

Чем могут заняться мужчина и женщина вдвоём? Правильно, пойти на рынок (Задание от завхоза)

Курук

Идея поучаствовать в общественно-полезной работе пришла парню довольно спонтанно. В последнее время много из того, что он делал, получалось как-то само по себе, желания возникали из тех мест, куда сознанию вход был закрыт. То есть, конечно же, из подсознания. Интуиция с каждым днём давала знать о себе больше, и парню даже в какой-то степени нравилось вытворять всякую неопределённого рода ерунду. Главное, что спонтанно. Больше никаких расчётов на бумаге. Никаких многочасовых планёрок и бесполезных фантазий. Только рандом.

Пригласить поучаствовать вместе с ним в эдакой ерунде кого-либо ещё он решил ровно при выходе из своей комнаты. Взгляд задержался на бутылке с водой - он вдруг вспомнил ту самую попойку, которую как-то организовали в его комнате девочки. Три девицы, одна краше другой, но запомнилась ему более всех Анна-Лиза. Причём если раньше Курук обращал внимание всегда на красоту и только, для него это служило ориентиром при выборе той или иной девушки. вспомнить ту же Юэ. То сейчас... Вспоминая ту встречу, две другие девицы могли бы посоревноваться своим внешним видом с Анной-Лизой. Но уж точно не внутренними качествами, не той хваткой, с которой она так властно ворвалась первой в его комнату. Он её плохо знал, практически не пересекался на занятиях, и всё же. Почему бы не попробовать?

И она ему, знаете ли, не отказала. Так странно, когда тебе не отказывают девушки. Просто из области фантастики. И они сошлись на том, что пойдут на рынок, но не за продуктами, а за животными ингредиентами. Хотя, ему больше по духу был бы поход за продуктами, так как его посылали за этим не раз и не два. Ну да ладно, надо было как-то разнообразить походы на рынок.

Деньги ему дала мастер Грей. Конечно же, его самая любимая сифу Грей. Когда-то сифу Лю была его любимицей, но прошло так много времени с тех пор, как они поругались, что он её почти уже забыл. Да и не видно её было в Монастыре, наверное, опять уехала в свою Англию. Вот и хорошо, лишний раз напрягаться не будет при её виде. Цирилла так посмотрела на парня, что он понял - сдачу он вернёт ей же, и ни юанем меньше. Если что, она проверит, и ментальный щит его никакой не спасёт. Он уже давно не занимался этим паскудным делом, оставляя часть мелочи себе. Мол, покупки были на приличные суммы, и если накинуть чуточку, скажем, пять процентов, то никто и не заметит. Как правило, так и было, мастера верили ему, и он ещё ни разу не спалился с этим. Возможно, они всё знали, прорицателей в Храме хоть отбавляй, но в любом случае у него давно уже не было "своих" денег и не будет новой партии таким путём точно.

- Привет. Ну, как, готова к походу? - он подошёл к ней у ворот Монастыря, как и договаривались, держа в руках список с тем, что нужно было сделать. Помимо всего

прочего, нужно было так же найти пасеку некой мадам Мопадме, он её ни разу не видел, а ещё травницу Сонму. Будет интересно найти этих людей, он даже не знал, что есть пасека неподалёку от деревни. Столько раз ходил на рынок - и ни разу в пасеке не был.

Анна-Лиза Саволайнен

Анну-Лизу за продуктами обыкновенно не посылают никогда - похоже, у нее вид безнадежной городской дуры, которую на рынке немедленно кругом облапошат, обсчитают со всех сторон и ровно по этой причине ничего ей доверить нельзя. Саволайнен же, напротив, считает, что она выше того, чтобы позволять себя обмануть, и порой ходит на рынок в гордом одиночестве, проверяя там свое умение торговаться и выбирать товар. То ли умение на высоте, то ли люди на рынке сплошь честные, но впросак Анна-Лиза не попадает ни разу. И теперь с охотой соглашается пройти на рынок за утиными головами. Во-первых, это все-таки возможность показать, что на рынке она не растеряется и не потеряется. А во-вторых, приглашает Курук - к этому парню Анна-Лиза относится с необоснованной нежностью и всегда голосует обеими руками за любой движ, который способен помочь молодому человеку немного развеяться.

С Куруком Анна-Лиза встречается у ворот монастыря. Вид у нее, как обычно, с иголочки и глубоко городской, от солнечных очков на светлой макушке до кончиков аккуратных ногтей. Девушка, не стесняясь, берет Курука под руку и заверяет: - О, за это не переживай! Я готова как никто. Не испытываю перед походом никакого трепета.

Всю дорогу до деревни Анна-Лиза работает не хуже радиоприемника, рассказывая бесконечные легкомысленные истории, стараясь угадать, какие темы будут интересны Куруку и обсуждением чего он не будет тяготиться. В историях, как обычно, проскальзывают время от времени забавные грамматические ошибки - в определенный момент своей жизни Анна-Лиза вынуждена была признать, что она их все же делает, но избавляться от них и не думает, считая это частью своего шарма. На рынке Саволайнен первым делом вне задания покупает на свои деньги сочную виноградную кисть. Виноград блондинка любит до безумия, но в монастыре с ним редко встретишься. А тут - вот он, лапушка. Размахивая только что купленной кистью, Анна-Лиза рассказывает, заглядывая в список: - Яка и барсука надо искать, я их здесь обычно не вижу. А утки, по-моему, всегда висят там. С них начнем? - спрашивает Анна-Лиза, указывая виноградной кистью, где висят утки. И не забывает предложить: - Будешь виноград? Угощайся.

Курук

Уже после своего вопроса он обратил внимание на внешний вид Анны-Лизы. Какая-то она была... Другая. Не такая как все девушки. Вот, посмотрите только, она взяла его под руку. Любая другая девушка бы так поступила? Определённо нет. Он уже не строил никаких надежд найти свою любовь в Монастыре, отдавая почетные лавры эксперта по общению с девушками тому же Николаю. Он уже давно просёк, что это ни разу не его конёк. И... Не то, чтобы он сдался, просто оставил всё на самотёк. Может быть, когда-нибудь и ему повезёт в этом. Но он определённо будет к этому не готов. И в этом вся прелесть, потому что именно в такие дни случаются разные интересные.

Анна-Лиза всё болтала и болтала, а он только слушал, кивал головой и иногда

смеялся. Он даже как-то и не подумал над тем, какая она болтушка. Да он этого просто не знал, чего уж там. Грамматические ошибки немного резали его слух, да, но это не критично. Он был почему-то уверен, что она делает это специально. Ну, во всяком случае, они определённо дополняли её и без того неординарный образ.

Он с небольшим удивлением посмотрел на только что купленную виноградную кисть. Это... так необычно параллельно покупать что-то согласно своим нуждам, помимо списка. Вроде ничего удивительного, но это с какой стороны посмотреть. Он проследил за кистью, указующую путь на утки, и согласно кивнул. Что-то он сегодня молчит даже больше, чем обычно.

- Нет, спасибо, не хочу, - абсолютная правда. - Яки и барсуки, по-моему, недалеко от рыночной площади были, я проходил мимо них как-то. А уток, да, можем сразу купить.

- Куриные головы не желаете? А гусиные? О, а, может, гусиную печень хотите? Не стесняйтесь, подходите ближе и смотрите, всё свежее, сегодняшнее! - уже кричала какая-то торговка, как раз в стороне от утиных голов. У неё, почему-то, совсем не было покупателей, но утиные головы нужно было взять у неё. Или нет?..

- Нет, спасибо, нам только утиные головы нужны. Будьте добры пять штук, пожалуйста.

- Сегодня распродажа, головы отдаются в двойном количестве! - хитро улыбнулась торговка. - Так что берите все десять, а получите целых двадцать голов! - кажется, это были все имеющиеся утиные головы, или даже больше.

- Может, найдём местечко попримечнее? Что-то не нравится мне эта торговка, - очень тихо, так, чтобы слышала только Анна-Лиза, сказал Курук, повернувшись к ней лицом. - Наверняка она тут не в единственном экземпляре головы эти продаёт.

Анна-Лиза Саволайнен

Анна-Лиза искренне готова поделиться трофейным виноградом, хоть это для неё и редкий, ценный ресурс. Но, раз Курук отказывается, Анна-Лиза становится единоличной счастливой обладательницей виноградной кисти. И, не медля, откусывает с неё первую ягоду.

Направление, в котором указывает Саволайнен, действительно правильное и утиные головы там и впрямь есть. Но, как и Курука, Анну-Лизу беспокоит то, с какой почти агрессивной настойчивостью на них наседаёт торговка. Саволайнен тоже подмечает, что женщина пытается сбыть им чуть ли не весь свой товар, и это ей тоже не нравится. И мягкость Курука, пытающегося просто развернуться и тихо уйти, блондинке сперва непонятна. И чуть запоздало её осеняет: молодой человек просто не хочет скандалить, ему, кажется, уже рядом с этой громкой торговкой неудобно.

Анна-Лиза улыбается, находя это очень трогательным. Почти с любовью поправляет Куруку замнувшийся ворот футболки и так же тихо просит: - Поищи пока барсуков, да? А я пока сделаю нам головы. Она ещё у меня прощения просить будет, если головы плохие.

Если торговка рассчитывает на то, что она на этом рынке самая голосистая, так это ещё надвое бабушкой сказано, это ещё проверять надо. Анна-Лиза подходит к

прилавку и, слушая, как женщина продолжает петь, нахваливая то свои цены, то свой товар, внимательно осматривает головы. Отрубленные утиные головы, с заплышими мутной пленкой мертвыми глазами - зрелище не из приятных, но Анна-Лиза продолжает невозмутимо грызть виноград, как будто выбирает апельсины или ещё что-нибудь столь же невинное. Потом протягивает руку, трогает обрубленную утиную шею и с хорошо поставленным возмущением и тоже очень громко говорит: - Да утки-то старые! Они в матери мне годятся.

Двусмысленность последней фразы блондинку не смущает - тут главное донести первую мысль и громко.

- Да где же старые? - с не менее хорошо поставленным изумлением всплескивает руками торговка. - Свежие! Сегодня только по двору бегали!

- Свежие, свежие, - вроде бы миролюбиво соглашается Анна-Лиза. Но говорить продолжает так же громко, потому что у неё уже готово следующее обвинение: - Бегали, упали и умерли от старости. А это что? - Саволайнен обличающе указывает на другой товар на прилавке. - Это разве гусиная печень? Это жижа!

После таких выкриков от этой торговли Анна-Лиза уже вряд ли добьется хоть скидки, хоть чего, но цель у неё другая. Цель - втянуть в склоку других торговцев, и это у неё получается. Через пять минут Саволайнен, стараясь соблюсти равновесие, покупает у двух торговцев по три и две утиные головы, внушающие ей куда большее доверие, чем у первой торговли. А ещё через пару минут Анна-Лиза находит Курука. И, красноречиво помахивая свертками с покупками, спрашивает: - Ну, а как твои дела?

Курук

Парень недалеко отошёл от своей спутницы, подслушивая начало её перепалки с торговкой. Улыбнулся. Ему нравилась эта напористость девушки, граничащая с наглостью. Он уже стал слишком спокойным, что ли, для всех этих перепалок и ссор. Раньше он бы тут полрынка разнёс как истинный воздушник, а сейчас... Спокойствие, и только спокойствие. Он мог бы ещё попробовать ментально повоздействовать на женщину, аккуратно так убедить её, чтобы она взяла за правило проверять свой товар, а не продавать что попало. Пусть работает честно.

Он пошёл в сторону рыночной площади. И так, для начала требовалось разобраться с ячем маслом. Оно продавалось там же, где и ячее молоко и не только ячее. Недолго он выискивал нужный привалок - рынок был далеко не бесконечным, а на вполне себе ограниченном пространстве, поэтому поиски вскоре завершились успехом.

- Дайте, пожалуйста, эм... Вот, один такой, эм.. Рулон масла.

Курук не придумал более подходящего названия к тому, в чём хранилось ячее масло, но уж точно нельзя было это назвать просто упаковкой, как в магазине в России. Да и в килограммах такую штуковину, конечно, можно попытаться измерить, но он же не мог попросить определённое количество килограмм, как ему продавец отдавать будет?

- Так, мы хорошо идём. Нам остался барсучий жир, он тоже тут недалеко. Ну и ещё травницу эту найти... Вообще не знаю, где она может быть, спросим, наверное?

Анне-Лизе приятно видеть, что Крук от неё не отстаёт и что у него тоже дела идут бодро. Свёрток у молодого человека в руках указывает на то, что внутри, по идее, должно быть пресловутое масло яков. А слова о том, что впереди им остался жир барсуков, только подтверждают эту догадку.

- Я знаю, что утиные головы готовят и едят, - будничным тоном произносит Анна-Лиза и снова берет Курука под руку. Потому что на этом задании они должны выступать как единый дружный организм, а иного способа обозначить, что они сливаются в неостановимого трансформера, у Саволайнен на примете пока нет. - Я даже могу предположить, что масло яка используется примерно так же, как масло обычной коровы. А вот для чего нужен жир барсуков? Может быть, им могут мазать щёки? - сомневается Анна-Лиза. И тут же вдохновенно кивает на прилавок, мимо которого они с Куруком как раз идут: - Его могут продавать там, же, где убитого бобра?

Потому что портрет бобра при жизни Саволайнен вот как раз видит - он скалится на неё с прилавка старательно нарисованными огромными белыми резцами. Бобровое мясо, по идее, большими кусками лежит тут же. А как выглядит барсучий жир, блондинка себе не представляет и беглым взглядом найти его на прилавке не может.

В свете этого - поиски конкретных людей на рынке представляются девушке куда меньшей проблемой. И Анна-Лиза ласково обещает: - Не волнуйся. Травницу я тебе найду, даже если для этого мне придется допросить всю деревню.

Курук

Он был немного сконфужен. Конечно, ведь он, на самом-то деле, ни черта не смыслил во всех этих животных внутренностях. Куда что идёт, что жарить, а чем ноги мазать - это вот вообще не по его душе. Но ведь он решил разнообразить свои серые будни, не так ли? Возможно, этот поход даже принесёт ему каких-нибудь знаний по той же готовке... Но он всё равно сам никогда готовить не будет, нет-нет. Его и на дежурство соответствующее не ставили никогда. Может, разве что однажды. И то - с каким-нибудь Николаем, в те времена, когда они ещё в контрах были. Ну и весёленькое у него прошлое было.

- Я вообще ничего об этом не знаю. Честно. Мне даже сложно представить, чтобы головы животных вообще елись. Они ведь всегда отрезались и выбрасывались, что у курицы, что у рыбы... - вот, она снова взяла его под руку, и он сейчас даже немного смутился. Так, на самую маленькую капельку. Ведь это входило в обиход тех действий, которые он от неё ожидал, и удивляться тут было абсолютно нечему. Разве что она устроит какую-нибудь совершенно невероятную ерунду, к которой он будет не готов. Ну, там, случайно поцелует его или ещё чего. Вот этого он от неё никак не ожидает и будет сильно удивлён.

А так - всего лишь за руку идут, по заданию мастеров, ничего интересного и интимного.

- А мне кажется, что он более на рыбий жир подходит. Ну, по применению, - ответы на её вопросы он не знал и вряд ли по приходу пойдёт в библиотеку, чтобы утолить жажду знаний. Скорее забудет быстрее, чем позавчерашний сон.

- Может, и могут. Мне кажется, он тут где-то совсем недалеко... Ну, раз он на рыбий

жир похож. И на масло, можно сказать, тоже похож, густой-густой жир этот. О, вот и он, - внезапно на глаза попался прилавок, а точнее, товар на прилавке, похожий на баночку с какой-то густой белой субстанцией. И при взгляде на неё у парня словно внутри что-то щёлкнуло. Тот самый переключатель "да-нет" повернулся в положение "да". Он почувствовал, что это именно то, что им нужно. Именно эта баночка была барсучим жиром. Его переполняло волнение от своей догадки, интуиция в последнее время подшаливала, но всё равно вся информация проходила через центр - мозг. Нужно было логически обработать её и выдать конечный результат. Жир или не жир? Вот в чём вопрос!

- Простите пожалуйста, это же жир барсучий? - сглатывая ком в горле решил он покончить с затянувшимся в воздухе вопросом.

- Он самый. Сколько вам нужно?

- Будьте добрый одну баночку, пожалуйста.

- Фух, честно, сам не до конца понял, как я показал так точно на жир, словно знал его с малых лет. Я вроде не покупал его ранее...

Анна-Лиза Саволайн

Анна-Лиза, чего уж там притворяться, в животных внутренностях не смыслит абсолютно ничего, для нее это даже больше похоже на дикость. Девушка про утиные головы знает абсолютно случайно. Потому что то ли где-то слышала, то ли где-то видела, то ли ее где-то кто-то пытался угостить - в общем, Саволайн в курсе, что утиные головы в Китае готовят, причем со знанием дела. Все, на этом осведомленность блондинки истекает.

У Курука общий набор знаний явно шире.

Анна-Лиза как раз и собирается ему об этом сказать, но в последний момент ловит особенно вдохновенное выражение лица молодого человека и вовремя прикусывает язык, боясь спугнуть волшебство. Которое срабатывает так четко, что только аплодировать впору, и уже через минуту баночка барсучьего жира переключается в руки Курука.

- Это потому что у тебя талант, - говорит Анна-Лиза и ласково гладит Курука по локтю. - Интуиция называется. Великая сила! Хорошо, теперь моя очередь проявлять великую силу? Кто нам нужен? Травница и пасечница?

Чтобы разузнать эту информацию, Анна-Лиза втирается под навес, где разливают чай и продают какие-то сладости. Сейчас не до сладостей, а вот с бумажным стаканчиком чая Саволайн вовсю лавирует между столиками. Расспрашивает, обсуждает, уточняет и через какое-то время становится гордой обладательницей слегка заляпанной чаем салфетки. На салфетке несколькими штрихами обозначена условная карта, которую блондинка без этой подсказки держит в голове кое-как. Анна-Лиза возвращается к Куруку и, сверяясь с салфеткой, объясняет: - Выйти с рынка, повернуть направо, пойти до упора, там налево, опять до упора, за ворота, а там почти сразу пасека. Начнем с пасеки?

Курук

Ну, конечно, он не учёл тот факт, что они в Китае, а не в той же России, и утиные головы здесь могут считаться деликатесом, а так же добавляться в готовку. Но он

предпочитал не знать, что там было приготовлено, и как пострадали при этом животные; просто съесть молча и всё. Так было всегда. Если вкусно - он ел, нет - ел то, что вкусно. Всё просто. А если бы ему сказали, что тот деликатес, который он съел пять минут назад, к совсем утрированному примеру, изысканно приготовленное дерьмо утиное, заправленное всяческими соусами и приправами, то каково было бы его выражение лица при этом? Да он бы вообще после этого спрашивал про каждое блюдо, соответственно, определяя его потенциал не по вкусу, а... по ингредиентам? Звучит как некачественная чушь, не более. Но! Даже и хорошо, что он не знает всех этих ингредиентов, да и повара не подведут, им он доверяет...

Она его погладила по локтю. Ласково. Это было мило. Он улыбнулся левым уголком губ. Великая сила - интуиция. И вправду великая. И логикой не постижимая.

- Именно. Эти двое нам нужны в первую и последнюю очередь!

И он даже не успел ничего более сделать, как девушка куда-то метнулась в толпу; он сначала было хотел её окликнуть, мол, может не надо пытаться проявить свою "силу", вдруг у тебя такой нет? Но вовремя останавливает себя и молча ждёт. И дожидается. А та возвращается не одна, но с подсказкой, наштрихованной на салфетке. Карта?..

- Так, я всё равно на слух не запомнил, но по салфет.. то есть по подсказке сверимся, если что, верно? Ну и да, начнём с пасеки

Анна-Лиза Саволайн

- Я запомнила, - утешает Анна-Лиза, которая сама же только что дорогу и озвучила. Тут стыдно не запомнить. Зато Саволайн не помнит имён почтенных торговек, с которыми придется общаться, о чем немедленно прямо и заявляет: - Вот только имена я забыла. Поэтому переговоры начинать будешь ты. Ты же имена помнишь, - с явственной утвердительной интонацией говорит Анна-Лиза. Так, словно если её сейчас огоршить отрицательным ответом, она не поверит и будет переспрашивать до тех пор, пока "нет" не превратится в "да".

По салфетке напополам с ещё пока хорошо держащимися в голове инструкциями Саволайн доходит до пасеки довольно бойко. Один раз у неё вызывает вопрос расплывчатое "до упора", поскольку не совсем понятно, упор в этом месте или ещё нет. Тогда Анна-Лиза немедленно ловит проходящего мимо селянина, уточняет у него и дальше уже без проблем доходит до пасеки - утыканной ульями, как на картинке в детской книжке.

- Госпожа! - громко и уверенно зовёт Анна-Лиза, хорошо поставленным голосом, лавируя между ульев и пробираясь в сторону небольшого домика. - Госпожа!

Как назло, в голову не идет ни приличная вежливая форма на путунхуа, ни хотя бы имя пасечницы. Поэтому Анна-Лиза оглядывается за помощью на Курука и громким шепотом спрашивает: - Как её зовут?

Курук

- Ну, раз запомнила, тогда и идём, - соглашается он с её утешительной и немногословной речью. - А насчёт имён не беспокойся. У меня и правда на них хорошая память. Только откуда ты это знаешь?

Ещё со школьных времён, когда была та же история и нужно было готовиться к проверочным, проблемы не возникали именно с именами. Полководцы, политические деятели, и просто какие-то разбойники - всё в кучу кидайте, а Курук там дальше сам разберётся. С пересказами событий дела обстояли хуже. Нужно было запоминать картину в целом, но запутаться в том, кто первый начал, а кто подхватил атаку - на раз-два. Ах, да, ещё даты нужно было учить. С этим тоже проблем особых не было. Но лучше всего дела обстояли с именами, и по жизни Курук помнил людей. Хорошо помнил.

Он немного поморщился от этого вульгарного "госпожа". Они в Китае, и тут принято было обращаться немного по-другому. Он сам до сих пор путался во всех этих "ньюшах" и прочих обращениях к женщинам, но на инструкции было ясно написано - "мадам Мопадме". Хотя, ему за это время несколько раз хотелось её обозвать "Помадме", потому что это было очень близко к слову "помада" и буквы как-то сами переставлялись в слове, но это уже мелочи.

- Помадме. То есть Мопадме, конечно же. Мадам Мопадме.

Анна-Лиза Саволайнен

Анна-Лиза ниоткуда не знает, что у Курука хорошая память на имена, она в это просто безоговорочно верит. Сила веры - это в умелых руках тоже страшное оружие, им и города ломать можно, и ещё что только не. Наколдовать так, чтобы твой напарник помнил имена, которые ты по ветрености своей забыла - вообще пустяк.

В обращении "госпожа" Анна-Лиза ничего такого вульгарного не видит. Ей, выросшей в околукультурных Европах, такой способ обратиться к женщине кажется вполне себе приемлемым и уважительным. Но в голосе Курука отчетливо звучит недовольство, поэтому Анна-Лиза спешит исправиться. И послушно повторяет по подсказке молодого человека: - Мадам Мопадме!

Успевает перескочить на правильное обращение как раз перед тем, как мадам Мопадме появляется на крыльце.

На вид женщине, наверное, лет шестьдесят, а может, и больше - лицо и руки у неё все в мягких морщинах, но ощущения старости от неё не исходит, поэтому точный возраст угадать сложно. И в первую же минуту Анна-Лиза узнает, что так близко к ульям лучше не шарахаться, иначе пчелы могут её покусать.

- Отделают так, что сама себя в зеркале не узнаешь, - добродушно пугает мадам Мопадме. Голос у неё тоже мягкий, вызывающий мгновенное доверие. Анна-Лиза послушно отходит от ульев и начинает старательно излагать уже давно налипшие на язык слова: - Здравствуйте. Простите, больше к ульям не хожу. Мы к вам по делу. Большому делу, нам говорили, что у вас можно купить мёд и... и что-то ещё мы хотели, да? Милый, ты всё помнишь - что ещё мы хотели? - Анна-Лиза с вопросительной улыбкой оборачивается к Куруку. Почему-то здесь и сейчас её тянет попытаться изобразить уже не напарников, а именно что парочку - разница в буквах мизерная, а в смысле огромная, подумать только.

Мадам Мопадме смотрит и отчетливо умиляется бестолковой семейке лаоваев. Это у нее хороший, правильный настрой, так и надо. А Анна-Лиза надеется, что Курук не решит именно сейчас встать на дыбы и заявить, что никакой он ей не "милый". Не надо так всё портить, всё ведь идёт так хорошо.

Курук

Вот. Так было лучше. Именно "мадам", а не госпожа. Хотя, пожалуй, Анне-Лизе это было простительно, из тех мест, откуда она пришла, наверняка именно все друг в друге видели господ и господж. Кстати, неплохая идея - спросить у неё, откуда она. Да и вообще, он ровным счётом ничего о ней не знает. Совсем ни капельки. И сколько лет она уже в Храме, кто её наставник, и как она вообще сюда попала? Просто не было ни Анны, ни Лизы, а тут сразу на-те - кстати, да, двойное имя, тоже интересная тема для обсуждений. В общем, у них будет о чём поговорить на обратном пути.

Милый? Это он-то? Курук сделал вид, что ничего странного не произошло; у него будет ещё время обдумать эту выходку девушки, а сейчас он войдёт в роль "милого" и сыграет её... достойно.

- Да, конечно помню, дорогая. Мы за мёдом и пчелиным воском, мадам По... Мопадме, - Боже мой, опять буквы полезли кто куда, это уже становилось не смешно, хотя Курук еле сдержался, чтобы не засмеяться. На деле же вышло так - он неумело откашлялся, словно соринка запоздало попала в горло, уже после ошибки. Но попала же! Неосязаемая, да и ладно!

- А мне всегда казалось, что пчёлы слушаются своих "хозяев", - ещё одна неумелая попытка загладить свою ошибку, уж лучше и вовсе молчать. - Не будут же они просто так нападать?

Анна-Лиза Саволайн

- Хозяев, может, и слушают, да вы-то не хозяйева, - благодушно объясняет мадам Мопадме, прежде чем речь окончательно переходит на покупки. Анна-Лиза в это время бурно радуется тому, что Курук не путает ей все карты, а считает возможным с ней согласиться, и потому светит счастливой улыбкой в сторону молодого человека вполне искренне. Мед и пчелиный воск переходят из рук в руки довольно быстро, как-то куда расторопнее, чем блондинка ожидает от пожилой травницы, а напоследок Саволайн и у мадам Мопадме консультируется по поводу того, как найти травницу Сонму - возможно, имя девушка опять путает, но ее в любом случае понимают и снабжают ценными указаниями, так что уходить можно победителями.

- Нам опять надо пройти через деревню, говорят, так удобнее травницу искать, - объясняет Анна-Лиза, когда они с Куруком снова трогаются в путь. И, не оборачиваясь, лопатками чувствует, что мадам Мопадме смотрит их парочке вслед. Отсюда же немедленно вытекает понимание того, что немедленно нужен на публику какой-то жест проявления любви. В меру искренний, в меру трогательный - и ни в коем случае не громкий, не пафосный и не слащавый. Что-нибудь, что издали покажется убедительным.

Анна-Лиза берет Курука за руку и быстро-быстро, ласково-ласково трется лицом о его плечо. Лбом, щекой, волосами. Секунды полторы, не дольше, как будто старается сделать это так, чтобы никто не успел заметить. Дальше Саволайн идет как прежде, совершенно нормально, и только облаком поднявшиеся надо лбом светлые волосы выдают, что она только что делала что-то, что в понятие "совершенно нормально" уже не очень помещающееся.

Курук

Наконец-то они ушли отсюда. Причём как только ушли, он наконец-таки смог посмеяться от души. Давно он так не смеялся. Трижды спутать фамилию за короткие сроки - это он умеет, да. Лучше, чем кто-либо другой. Разве что Анну-Лизу будет какой-нибудь Лизанной называть, так, чисто ради шутки переставив части в двойном имени. Но он этого, конечно, делать не будет. Абсолютная глупость. не подкреплённая никакими аргументами на претензию быть хотя бы шуткой. Да уж.

- Сонму, всё правильно ты сказала, - зачем-то он вслух похвалил её; можно было подумать, что девушка страдала редкой формой потерей памяти, когда ты точно уверен, что запомнил, а потом со страху всё перезабыл. Вот именно от страха забыть всё забылось! У него была такая одноклассница в школе. Как ни странно, она ещё и отличницей была. Просто бывали редкие случаи, когда на каких-нибудь важных контрольных она минут на десять-пятнадцать забывала абсолютно всё касаясь этой темы, и ей приходилось сделать усилие, пойти в туалет, успокоиться там, умыться. Прийти в себя. Отдышаться. И обратно всё вспомнить. Бывает же такое.

Далее события разворачиваются совсем не по плану. Видимо, девушке понравилось играть "милую парочку", потому что её жест по-другому было никак не объяснить. И Куруку было неясно, как реагировать на это. Какой-то ответкой? Или просто игнором? Боже, как? Почему всё так сложно, нет, только не сегодня! Он не готов!

- Эм, а можно я у тебя спрошу кое-что? Помню, ты приходила в мою комнату с подружками... Так вы там случайно не поспорили насчёт меня? - начал он издали, быстро прикинув, кто из оставшихся двоих мог с Анной-Лизой поспорить и на что. Главное - зачем? Запикапить Курука? Навроде задачи "миссия - невыполнима"? Или, может, она проводит разведывательного характера операцию для своей подруги, которой он нравится? Ну, всё может быть...

Анна-Лиза Саволайн

- Поспорили? - изумляется Анна-Лиза, высоко вскидывая брови. Ей всю дорогу кажется, что Курук не воспринимает её слишком серьезно и не принимает жесты девушки хоть сколько-нибудь близко к сердцу. Тем неожиданнее становится его вопрос, в котором Саволайн, кажется, слышит нотки смущения. Легкие-легкие, но существовать они от этого не перестают.

Вообще-то надо продолжать идти ногами, чтобы искать травницу, но Анна-Лиза предпочитает разговоры разговаривать все-таки не ногами, а языком. Девушка останавливается, серьезно смотрит на Курука и не менее серьезно качает головой: - Нет, не спорили. А как должны были? - и по-прежнему встрепанное облако светлых волос тоже мягко покачивается у Анна-Лизы надо лбом, следом за отрицательным жестом, вправо-влево.

Понять метания Курука Анне-Лизе сложно - девушка, как правило, не чувствует себя неуверенной и ее не преследует ощущение, что она что-то делает не так, что она чего-то не понимает, и это ее напрягает и смущает, а если это все ей и знакомо, то довольно смутно. Саволайн в любой, даже непонятной ситуации зачастую выбирает решительных действий, ей привычнее попытаться взять ситуацию за грудки, чем надеяться, что это все пролетит мимо. Именно это Анна-Лиза и проделывает сейчас - не надеется, что она просто скажет "нет", и следом за этим выстроенная в

голове Курука башня из иллюзий и домыслов развалится сама собой, а начинает требовать конкретное описание домысла, чтобы лично, своими руками его разломать. Чтобы в щепки.

Курук

Ему не может не понравиться эта дурочка. Ну, вот хоть тресни. Всё к этому и идёт. Сначала в комнате он заметил именно Анну-Лизу, хотя другие девушки, возможно, в глазах других парней выглядели посимпатичнее, поскромнее и так далее. Но ему пригляделась именно Анна-Лиза своей решительностью. Это как минимум.

А сейчас ещё и знаки внимания проявляет к нему, ежели действительно не поспорила. Ну и как бы ему не хотелось прикидываться дурачком и всё такое, не выходит, хоть лоб расшиби. И это облако волос, развевающееся в отрицательном жесте во все стороны... Уфф!!!

- Ну... Просто.... Мне показалось... Да, пожалуй, мне просто показалось... Как-то всё пока слишком хорошо складывается, - опять ноль конкретики, одна прострация. Ну, не скажет же он напрямик, что ему эта вся игра нравится?! Да и вообще, до бесконечности странно, что девушки ещё обращают на него внимание. Вот, правда. Он же не первый парень на деревне, да и в самом Храме есть экземпляры получше него. Почему он? Что он такого хорошего сделал, чтобы понравиться? Он разве спас Анну-Лизу от смерти? Или помог чем-то? Он никакого внимания ей даже не проявлял, чего уж там говорить-то...

- И где там эта травница живёт, что-то долго мы идём, - молчать становилось всё тяжелее. Тишина навевала ненужные мысли, которым никак нельзя было допустить прорваться наружу.

Анна-Лиза Саволайнен

- Но это же только всё плюсы, когда все хорошо складывается, разве нет? - улыбается Анна-Лиза. И, хоть ей и хочется, подавляет озорное желание ласково щелкнуть Курука по кончику носа: *живи, дыши и никогда не будь несчастливой*. Для самой Саволайнен это довольно простая истина, девушка не позволяет себе зацикливаться на том, как у неё всё плохо, даже когда у неё действительно всё плохо. А уж сейчас повода для нерадостных мыслей нет и подавно. Анна-Лиза вся лучится счастьем, до кончиков пальцев и волос - действительно, все очень хорошо и гладко складывается, и причин печалиться нет совсем. Даже то, что у них с Куруком уже осталось всего одно, последнее задание, воспринимается как своеобразный повод для радости: это значит, что вот-вот с покупками они покончат и дальше будут свободны как птицы небесные. И ходить будут куда им вздумается, а не куда пошлют. Поэтому Анна-Лиза обнадеживающе обещает: - Уже скоро совсем придем. Тут близко осталось.

По дороге к травнице молодым людям приходится вновь пройти через рынок - на рынке за время их отсутствия прибавилось покупателей, и теперь по рынку ходит довольно плотный поток людей. Анна-Лиза немедленно воспринимает это как повод крепко взять Курука за руку, чтобы молодых людей не разделило толпой. Сквозь толпу Саволайнен прокладывает себе дорогу довольно уверенно, разрубает встречный поток людей плечом не хуже ледокола. Анна-Лиза пробирается через рынок, выводит следом за собой Курука и сулит, указывая на убегающую от рынка

дорогу: - Прямо до первого поворота пройти, а там повернуть только, и пришли. Я же и говорю: тут близко осталось

Курук

- Разве да, - сдерживаться становилось всё сложнее. Он улыбнулся, потому что уже было реально неумогу. Да, стоило признаться самому себе, что не смотря на то, что он ничего в её сторону положительного не сделал, он ей понравился. И она ему тоже. И этот простой факт следовало принять как можно быстрее и безболезненно. Он уже устал за все эти годы выносить мозг сам себе. Хватит уже жить в своей голове - пора осмотреться вокруг. Потому, что счастье - ближе, чем мы думаем.

Внезапно его как ушатом холодной воды окатило от осознания того, что его Счастье сейчас шло рядом с ним. Обхватив его за руку, ведь это так мило - держаться за руки. Что-то эта улыбка, похоже, совсем не собиралась слезать с его лица. Господи, да что с ним такое? Логический аппарат отходил на второй план; мозгу, может, и не нравилось, что он сейчас тут не совсем главный. Потому, что в ход пустилась чувственность. Резким движением руки она отпихнула зануду-мозг от штурвала и сейчас уверенно руководила всей поездкой сразу. Не может быть, он же не мог... Влюбиться? Казалось бы, после Рыженькой он навсегда разочаровался в девушках и больше ни шагу не сделает навстречу и не даст слабину. Но ключевое слово - *казалось*.

- Вот и славно, что немного осталось. А... Какие у тебя планы есть на вечер? - глупая улыбка даже не думала слезать с лица. И ему было всё равно, что про него подумают эти люди на рынке, эти серые лица, которых он был сейчас в тысячу ярче. Почему-то этот мир сузился до одного только человека.

Анна-Лиза Саволайнен

- Планы на вечер? Даже не знаю. Надо подумать, - с серьезным лицом говорит Анна-Лиза. И минуты три честно, всесторонне обдумывает грядущий вечер. Понятно, что если грянет какой-нибудь форс-мажор, так там любые планы накроются медной посудинкой, форс-мажоры следует вычеркнуть из рассмотрения сразу. А в остальном - Саволайнен честно перебирает свои близлежащие планы, прикидывает, не попадает ли что-то из них на сегодняшний вечер, и в итоге с улыбкой заключает: - Нет, ты знаешь - ничего такого. Если вдруг вечером на меня не свалится что-нибудь неожиданное и срочное - я вечером буду свободна для предложений. А что, ты уже строишь на меня какие-то планы? - лукаво спрашивает Анна-Лиза. Она, в общем-то, и не против, ее такой разворот событий очень даже устроит.

До домика травницы молодые люди добираются довольно быстро - и Саволайнен немедленно берет на себя инициативу и здесь, ничуть не тяготясь тем, что ей сегодня приходится это делать довольно часто. На улице травницы не видать, поэтому Анна-Лиза взлетает по ступенькам на крыльцо и громко стучит в дверь, одновременно выясняя у Курука: - А что мы хотели? Какую траву там нам купить поручали?

Память у Саволайнен не то чтобы короткая - просто она в список плохо смотрела, поэтому, вполне естественно, слабо помнит, какие в этом списке позиции. Как назло, дверь открывается раньше, чем Курук успевает ответить, поэтому Анне-Лизе ничего не остается, кроме как, стоя с травницей почти нос к носу, с очаровательной улыбкой идиотки сказать: - Здравствуйте! Вы не заняты?

Курук

Пока она обдумывала планы на вечер, у него сердце забилося быстрее. Вдруг у неё не будет планов и она ответит ему согласием? И тогда... Ой, а что тогда? А он даже как-то и не подумал, просто само вырвалось... Наверное, он пригласит её погулять. Да, точно. Он будет делать то, что никогда не делал. О Боже, он пойдёт на свидание с девушкой!

Это если всё сложится самым наилучшим для него образом. Нет, не так. Не для него. Но для **них**.

И он улыбнулся ещё сильнее, наконец услышав её согласие. Казалось, эти три минуты молчания для него прошли как три часа невыносимых мучений. Он только что перешёл через границу - к своей новой жизни. Наконец-таки у него появилось что-то более живое, чем виртуальные миры с ним в главной роли. Настоящая. Живая. Девушка.

- Ну... Я решил, что одного похода на рынок нам явно будет недостаточно... - он как-то снова начал издали, потому что разум частично перехватил контроль над телом и не давал чувственности полностью командовать парадом. Потому что он чуть было не заговорил напрямик - а это, знаете ли, чревато всяческими признаниями в любви и так далее. Оно нам надо? Мозгу - явно нет.

Вот они и подошли к заветному домику. И он хотел было ответить на её вопрос, как дверь открылась раньше, чем хотелось бы. Но он успел вставить свои пять копеек до того, как женщина отправила им ответное приветствие.

Он думал, что успеет. Но не успел.

- Добрый день! На самом деле, да. Немного занята. Довариваю один очень интересный отвар из редких растений. Пять минуток, и я - ваша! - заговорщицким тоном ответила женщина, захлопнув дверь, оставив парочку снова наедине.

- Эх, не успел я сказать, что нам надо, - опомнился Курук. - Но раз уж ты начала с ней беседу, то при следующем контакте так и скажи ей - а не привезли ли вам змеиный яд? , - кстати, он и сам успел подзабыть, что им нужно было от травницы. Но вовремя успел вспомнить.

Анна-Лиза Саволайнен

Анна-Лиза удивленно слегка приподнимает брови, когда травница неожиданно закрывает перед ней дверь, хлопывает блондинке практически в самый нос. Дела - это, конечно, вещь святая, дела невежливо бросать на полдороге нельзя, но ведь это же не повод так резко дергаться и так стремительно хлопать дверьми. Так же можно и нос кому-нибудь в спешке снести. Или хуже того, вообще все лицо.

- Хорошо, мы подождем, - терпеливо обещает Анна-Лиза в уже закрытую дверь. Спускается с крыльца, садится на ступеньки, смотрит на Курука и озадаченно сводит брови к переносице - Думаешь, змеиный яд нам здесь нужно купить? Точно? Наши мастера ничего не перепутали?

Девушке такая комбинация кажется странной - для нее бы было куда ближе,

понятнее и логичнее, если бы змеиный яд нужно было покупать там же, где и пчелиный воск. А не там, где под потолком в пучках висят лаванда и лаврушка. А с другой стороны, такое положение дел вполне может объяснить, почему последний пункт списка наглухо вылетел у Саволайнен из головы. Никак не связался с травницей и выпал.

- Обязательно ей все скажу. Громко, раздельно и не стесняясь. Ты меня знаешь, - уверенно обещает Анна-Лиза. Для нее это, можно сказать, уже почти свершившееся событие. Раз травница найдена, так задать ей несколько вопросов - дело плевое. Анна-Лиза немедленно перескакивает на другую, более интересную ей тему. И ласково напоминает: - Так какие планы ты хотел на меня сделать сегодня вечером?

Курук

Он даже особо и не обратил внимание на поведение травницы. Ну, не пустила и ладно. Они чуточку больше времени проведут вместе. Всегда нужно во всём искать плюсы. Так странно, он раньше об этом не думал, только сейчас эта идея пришла ему в голову. Ясным, солнечным днём приоткрыла завесу мрака собственных иллюзий.

- Ну, да, а что в этом такого странного? Если это действительно травница в полном смысле слова, значит, у неё и противоядия найдутся. Она вроде нашего лекаря, только лечит не магией, а травами и всякими перекисями.

Он замолчал. В голове прорисовался образ эдакой ведьмы, которая варит в своём котле всякую страхолюдину. Смешивая клыки волшебного животного, например, саблезуба, хвосты крыс и языки лягушек. Добавляет столовую ложку крови единорога, свою слюну и приговаривает заклятие. "Айбнахам - курруша!"

Конечно же, в реальной жизни всё обстояло совсем по-другому, но кто ему мешает помечтать в своём виртуальном мире?

- Да. Немного, правда, но знаю, - улыбнулся от Анне-Лизе.

А дальше пошёл ступор. Стеснительный ступор. Минутка молчания. Девушка затронула ту самую вечернюю тему; травница так и не открыла им дверь, хотя, пять минут вроде как ещё не прошли полностью..

- Я подумывал над тем... А не могли бы мы вместе... Эмм...

- Всё готово, золотые мои! Я - ваша на целых пять минут! Говорите, зачем пришли! - внезапно перебила его травница, так и не дав скромняге-парню завершить свою речь. - О, я вас не ударила?

Анна-Лиза Саволайнен

- Я в травах не очень. Туманно себе представляю, чем травницы лечат широкую публику, - разводит руками Анна-Лиза. И чем исцеляют узкую - тоже. Саволайнен движется по самой что ни на есть простой логике: "травница" - это от слова "травы", значит, травой и лечит. Со змеями это не должно иметь ничего общего, если только не вытягивать дело за тот факт, что змеи вроде как живут в траве, а стало быть, все же могут в эту логику влезть. Ни с какой колдуньей, страшной ведьмой Лоухи или

злой старухой Сюоятар, которая кидает в котел крылья летучих мышей и еще чьи-нибудь там зубы и бормочет "плюнь в воду, прыгни в море, обернись черной уткой", травница у Анны-Лизы не ассоциируется. Не связывается. Змеиным ядом орудовать ей не пристало.

Рассказа про планы на вечер Анна-Лиза ждет от Курука терпеливо и с надеждой, кажется, даже, слегка волнуется. И совсем забывает о том, что у нее за спиной теоретически есть резкая как пуля травница, которой вообще-то стоит опасаться. Травница же со свойственной ей резкостью вылетает на крыльцо как раз тогда, когда Курук начинает отвечать, - и, разбежавшись, едва не впечатывает свое колено сидящей на ступеньках Анне-Лизе в затылок.

Ну нельзя же так носиться не глядя, а.

- Вы были к этому близки, - сдержанно отвечает Анна-Лиза, поднимаясь со ступенек, на всякий случай трогая свой затылок и в полной мере понимая выражение "вот такусенькая пролетела". Действительно - пролетела вот совсем рядом, кажется, даже волосы задела. - Скажите, вы продаете змеиный яд? Если да, то мы готовы купить... сколько там надо? - в очередной раз демонстрируя, что список она близко не запомнила, Анна-Лиза вопросительно оборачивается к Куруку. Ну, в ее избирательно дырявой памяти для молодого человека уже ничего нового не должно быть, эта память сегодня уже несколько раз своими дырами опозорилась.

Курук

- Извините, я не хотела! - поспешно отвечает травница сразу же после ответа девушки. - Да, мне как раз завезли немного, сколько вам надо? - теперь аж четыре глаза пробуривали на месте Курука по меньшей мере дыру среднего диаметра, а парень, видимо, был немного обескуражен происходящим и стоял немного в задумчивом состоянии.

Но травница не умела ждать. И пара-тройка секунд молчания для неё были сродни целой вечности кипения в котле каких-нибудь ингредиентов. У неё ведь так много работы, она не будет никого ждать!

- Ну же, смелее, юноша, чего вы молчите! У меня нет на вас лишнего времени, либо вы говорите, чего хотите, либо убираетесь вон!

- Ах, да, нам нужно немного яда кобры, если имеется, - он выпал из задумчивости так же скоро, как в неё впал. Эта женщина была по меньшей мере странная... И это ещё хорошо сказано.

- Сейчас, минутку, - она вылетела обратно в свой дом и вернулась буквально через несколько секунд с какой-то пробиркой, - с вас 100 юаней, дорогие мои!

Курук даже засомневался, сколько у него оставалось сдачи, но сотенную купюру, всё же, нашёл. И ему показалось, что это неправильная цена, но спорить он не стал.

- Вот, возьмите. Спасибо и до свидания, - он развернулся ещё до того, как она закрыла свою дверь и сразу же обратился к Анне-Лизе - пойдём уже отсюда.

- Жду вас снова, хи-хи-хи, - слышался стук скрипучей двери.

Анна-Лиза Саволайнен

- Не понукайте юношу, он вам не лошадь, - немедленно и сердито вступается за Курука Анна-Лиза. Травница с каждой секундой нравится ей все меньше и меньше. Смысла-то от такой ждать извинений, если она тут же насоздаёт новых поводов извиняться, и так до бесконечности. Пока травница снова резко мечется, бегая в дом, Саволайнен, которой не улыбается снова получить дверью или коленом, успевает для верности окончательно отойти от крыльца и теперь стоит бок о бок с Куруком, все такая же сердитая.

Ждет она их снова, ну надо же.

- Ну ждите! - фыркая, напоследок разрешает Анна-Лиза. Поворачивается к домику травницы спиной, берет Курука под руку, прикидывает к его плечу и негромко жалуется: - Не люблю таких женщин. Руки и ноги мельтешат много, а женщины и нет почти. Ох, я прямо чувствую, как мы с ней будем любовно встречаться в следующий раз. Если будем, конечно, - вздыхает Саволайнен, сейчас, по свежему впечатлению, не горячая желанием возвращаться к травнице, даже в случае острой нужды. Зато Анна-Лиза весьма не прочь в монастыре пройти по знающим людям и уточнить, сколько на самом деле должна стоять такая скляночка со змеиным ядом и насколько правомерную цену предъявляет травница. А еще больше Анна-Лиза не прочь после этой маленькой стычки как следует развеяться, поэтому предлагает: - Пойдем обратно как длиннее? Прогуляемся?

Курук

Ему бесконечно приятно слышать от неё защитные слова в его пользу. Они словно накрыли его эдаким непроницаемым панцирем, не дав злобной тётке выплеснуть на нём свою ненависть к этому миру. Он улыбнулся, посмотрев на девушку. Всё-таки, ему очень повезло с его спутницей.

Он даже засмеялся в ответ на её фыркание. Да, излишняя вежливость тоже надоедала, а сегодняшний Курук с его бесконечным, воистину Вселенским спокойствием не гневился точно. Эмоции все были под контролем. Его было просто невозможно вывести из себя. Воздух в парне был окончательно подавлен ментальной магией. Точнее, энергией Аджны, прогрессирующей поминутно. Сейчас Анна-Лиза шла с ним под руку и ему это определённо нравилось. И жаловалась на старуху вредную.

- Да ладно тебе, в следующий раз это хотя бы не будет неожиданностью, и ты, например, уже побоишься на крыльце её сидеть, - ободряюще заверил её Курук.

- Да, пойдём подлиннее, я не прочь прогуляться... Тем более, с такой шикарной девушкой, как ты, - в ход пошли какие-никакие, но комплименты. В голливудском блокбастере, наверное, следом бы последовал робкий поцелуй, но они в реальной жизни, и Курук пока только ограничивался тёплым, полным нежности и симпатии, взглядом.

Анна-Лиза Саволайнен

- В следующий раз это она побоится на меня дверь открывать, - забавно ворчит Анна-Лиза. За девушкой водится способность порой продолжать воевать после драки, и сейчас заведенная Саволайнен именно что довоевывает. Даже несмотря на

то, что травницы рядом больше нет и воевать уже не с кем.

Выложив в адрес травницы последнюю угрозу, Анна-Лиза окончательно успокаивается и перенастраивает себя на благодушный лад. С заданием покончено, солнце светит, она гуляет под руку с молодым человеком, который ей нравится, - что ещё надо для хорошего настроения? Да, пожалуй, больше и ничего.

Ну, разве что комплимент. Да, комплимент определённо делает этот день ещё лучше.

- Ты находишь меня шикарной девушкой? Спасибо, мне приятно это слышать, - говорит Анна-Лиза и кокетливо опускает ресницы. Совсем ненадолго, всего на миг-другой - а через пару мгновений девушка уже снова поднимает на Курука глаза и предлагает: - Может, тогда ты согласишься быть моим шикарным парнем? А я тебя любить буду.

Анна-Лиза предлагает вполне искренне - Курук ей нравится. Он какой-то совсем другой, непохожий на прямолинейно напористую Саволайнен - какой-то отстранённый и даже как будто слегка над бытом и над обыденной жизнью. И чем отчётливее Анна-Лиза это видит, тем сильнее ей хочется до него, такого как будто немножко ненастоящего и не здесь, дотянуться. А желания у Анны-Лизы с делом расходятся редко - когда ей хочется дотянуться, она тянется и даже не думает о том, что её могут оттолкнуть.

Курук

Он ещё раз улыбнулся в ответ на её ворчание. Да, забавная ему попалась сегодня спутница - и хотелось верить, что не только сегодня. Они могли бы проводить время вместе, если захотят. И, конечно, если он выскажет о своих желаниях вслух, а не скромно утаит их от девушки, но не от себя любимого.

В ответ на предложение быть шикарным парнем, Курук улыбается ещё шире. Ему кажется на секундочку это всё какой-то нереалистичной игрой, а в роли себя самого - актёр, которому забыли рассказать сценарий. Может, он вообще спит и вот-вот проснётся? Что-то слишком всё хорошо складывается, что ли...

- Ну, давай, всегда мечтал быть чьим-либо шикарным парнем, - как-то прокомментировать её вот это "а я тебя любить буду" он не смог. Просто... Не нашёл, что сказать. Это в шутку вообще было сказано или как? Куда бежать, кому звонить, скоро счётчик уровня счастья сломается к чёртовой бабушке, срочно заказывайте новый! Даже целую партию!

- Вот, так странно случается, да? Мы ведь уже не первый год в монастыре, но почти совсем не знаем друг друга и до сего дня особо не пересекались... Может, расскажешь немного о себе, а? А я тебя внимательно послушаю, - такой же милый взгляд на девушку. И ноги как-то сами шли к монастырю, а руки так же самостоятельно несли пакеты, но мысли были о другом...

Анна-Лиза Саволайнен

- Я рада, - мурлычет Анна-Лиза и ладонью любовно гладит Курука по теплой шее. Как любой девушке, ей приятно, когда ей не отказывают в таких щекотливых вопросах, и не суть важно, что и вопрос-то у них получился странный, вывернутый шиворот-навыворот, и мехом внутрь. Главное, что выделяет Анна-Лиза - утвердительный ответ, который ее искренне радует, и жаль только, что сам момент

получился не по-голливудски торжественным, а несколько смазанным, но в конечном итоге - да кому уже теперь какая разница.

- Да обо мне рассказывать особенно и нечего. Считай, я простая финская крестьянка, - слегка лукавит Анна-Лиза - девушка каждый день прилагает немалые усилия к тому, чтобы за крестьянку ее принять можно было в последнюю очередь, и эти усилия еще ни разу не пропали впустую. - Из многодетной семьи, все как полагается. У меня есть три старших брата, и мы друг друга так любили, что я от них сбежала в университет как только смогла, - пожимает плечами Саволайнен. Дальше рассказывать, как она перебивалась по журналам сомнительных цветов, кажется девушке ненужным и неинтересным, поэтому Анна-Лиза небрежно машет рукой: - Потом еще немного поболталась по мирам и оказалась здесь, здесь и остаться решила. Ну, а какая твоя история? Я ведь тоже о тебе почти ничего не знаю, и мне тоже очень любопытно, - мягко напоминает девушка и доверительно жмется к Куруку чуть теснее, осторожно касаясь грудью его плеча. Чтобы не наваливаться нахрапом, а понемногу приближаться - Анна-Лиза почему-то не может отделаться от мысли, что если она навалится чересчур рьяно, то может испугать молодого человека таким напором, и угодить в этот неприятный расклад ей вовсе не хочется.

Курук

Его погладили по щеке и ему это не могло не понравиться. Между ними уже словно образовался некий пузырь, защищавший от отвлекающих факторов внешнего мира. Никто и ничто не могло помешать провести время им наедине. Никто и ничто, ясно?

- Финская... Крестьянка? - удивлённо переспросил Курук? Его это даже немножко обезоружило. Причём оба слова в одинаковой степени. Было необычно и то, что в Храме был кто-то из Финляндии, а про крестьян - так вообще атас! Чернорабочая? Да ну не.

- Интересная у тебя получается "жестянка". Ещё и старшие братья есть, да не один, а целые трое! - немного помолчав, добавил, - А моя история начинается далеко за Северным полярным кругом. Она продолжается через Россию, и заканчивается здесь, в Храме. Доолгая история, я даже не знаю, успею ли всё рассказать, - интригуяще, весьма интригуяще. Ему было любопытно, будет ли пытаться Анна-Лиза уговорить его поведать ей все его тайны жизни от ребёнка до юноши или не будет?

И вот этот её жест... Прижимка грудью к плечу... Кажется ему каким-то неправильным, чересчур неприличным, пошлым. Что она хочет этим сказать? Уж не намекает ли ему на... О, Боже! На... Желание физической близости? Нет, что вы, ерунда всё это. Просто... Случайность. Его лицо в эти секунды отражало помесь лёгкого смущения и недоумения, но он быстро взял себя в руки и сделал вид, что ничего необычного не случилось.

Анна-Лиза Саволайнен

- Трое. Три во-от таких бугая, - немедленно подтверждает Анна-Лиза. И руками показывает, что вот, мол, где-то на голову выше неё и раза в два шире в плечах, хотя девушка и сама не маленькая и невесомая. Но на фоне братьев она именно такая, невыразительно-тощая - раньше всегда была уж точно, и сейчас вряд ли что

переменилось.

За Северный полярный круг, упомянутый Куруком, Анна-Лиза мысленно ведёт линию по воображаемой карте и хмурит брови. Ей кажется, там сплошной лёд и ледяная вода, и даже пингины, и те не живут, потому что жить так невозможно. Такую историю непременно надо услышать, и Анна-Лиза парирует: - О, у меня время совершенно моё. Я готова тебя слушать столько, сколько ты захочешь со мной говорить, - тут бы доверительно сократить дистанцию, да она и так уже сжата в ноль, и доверительное движение у девушки получается совсем другое. Анна-Лиза, напротив, чуть отстраняется. Она видит, что она уже к Куруку слишком тесно - самой-то девушке только в радость, а вот молодого человека это со всей очевидностью напрягает и даже настораживает. Саволайнен терпеливо ищет подходящую дистанцию, которая будет близкой, но не чересчур, не пугающей. И время от времени кидает на лицо Курука короткие вопросительные взгляды: ну, что? На сколько ещё волосков к нему можно приблизиться?

Курук

- Три бугая, значит. Поня-ятно всё, поня-ятно, - закивал он головой. Плохо она не могла отозваться о своих парнях, в смысле братьях. Значит, этот через чур большой рост - наверняка им в плюс, а не в минус. У него ведь тоже большой рост, да? И это только пополняло копилку плюсов.

- Ну, я могу долго рассказывать, во всех подробностях, всю биографию, наверное, уже и не упомяну, много времени с тех пор прошло... - замолчал парень, всматриваясь куда-то вдаль, словно погружаясь в какие-то участки своего прошлого. Столько времени прошло уже с тех пор, столько лет... С чего лучше всего начать повествование? С самого младенчества, что ли?

- В общем, это... Там, за полярным кругом тоже есть жизнь, как ни странно... Сложно там жить, но привыкаешь с годами, да и если у тебя там детство проходит, то ты и не знаешь о какой-то "другой" жизни, тебе не с чем сравнить. Ты просто живёшь и всё. Общаешься с узким кругом лиц, моего возраста дети там тоже были, кстати... Все мои родственники старше первого колена ушли на какую-то магическую войну. Я так до сих пор и не знаю, чем она окончилась, что это за война и где проходила. От меня родители всё скрывали. А потом и вовсе меня отправили в Россию на воспитание к их знакомому, потому что случилась какая-то поломка и все стали страдать из-за нехватки ресурсов... - начало какое-то сумбурное, да.

Анна-Лиза Саволайнен

Анна-Лиза может отзываться о своих братьях как ей заблагорассудится - кому же, как не ей, и иметь равно их ругать, если они вместе вовсе не обязательно мирно жили, но и ругались, и дрались тоже. Из драк юная Анна-Лиза выходила, как правило, основательно побитой - чудо, как в переломах не бегала - а потом при любом удобном случае отвоевывала утраченные позиции в словесных перепалках, потому что языком у неё выходило махать гораздо лучше, чем кулаками.

Мда, если так рассматривать, то получается, что зверь по имени "мирное существование" их семейку практически не посещал.

- О, я охотно верю. Жизнь, она такая, где угодно прорвется. Почему бы и не за Полярным кругом, правда, не вижу ни единой причины, - соглашается Анна-Лиза, у которой совершенно не стоит цели придирается к словам Курука (да и зачем бы ему

врать?), поэтому его рассказ она принимает на веру с лёгкостью. - Ты жил в ледяных иглу и приручал северных монстров? - Крайний север у Саволайнен в первую очередь ассоциируется с романом "Террор", а это, ясное дело, представление сильно вывернутое мехом куда попало. - Так ты закаленный мужчина, верно?

Рассказ, правда, следует дальше, и Анна-Лиза тут же спешно затыкается, потому что со своими вопросами и восклицаниями она будет уже неуместна. Хотя восклицать хочется, и почти во всё горло - как, магическая война? Да неужели такие бывают? Не знала, вот дура, не знала!

А с другой стороны, если рассудить трезво - магия в умелых руках даже сильнее ружей и сабель, так почему бы и нет.

- И... что, ты с тех пор родственников больше не видел? - сочувственно охает Анна-Лиза. Это поворот совсем иной, чем у неё - она-то из родительского гнезда сама выскочила, с громкими воплями о том, что она уже взрослая, и перья у неё отросли, и крылья стали ого-го. Её из этого гнезда никто в приказном порядке прочь не отсылал. - И как же ты решил, что твоё место в Линь Ян Шо?

Курук

- Ну, хорошо, что веришь, - улыбнулся девушке Курук, попутно вспоминая всех тех, кому он рассказывал о своём месте рождения. Точнее, их выражение лица - оно всегда выражало смесь удивления и недоверия. Мол, не рассказывайте байки, юноша, за Северным полярным кругом нет жизни и не бывать! Да и по нему не особо-то скажешь, что детство провёл в холодах. Да, закалённый, а какие с того плюсы? Никаких, ровным счётом.

- Жил в иглу, да. С монстрами особо не общался, маленький слишком был. Ну и закалённый, тоже верно, - он замолчал и стиснул губу. Это ведь ни на что не намёк ни разу, да? Просто констатация факта и ничего более...

- Нет, не видел. Они как в лету канули. Не знаю даже, живы они или нет, да и я уже стараюсь не думать об этом. Как-то... Привык без них справляться, что ли. Не знаю даже. Я никогда не грустил на эту тему. У меня столько сменилось после этого опекунов, боже мой... И все они были не более, чем опекунами. Никто не мог мне заменить отца. Или стать старшим братом. Другом. Наставником. Просто опекуны. Надсмотрщики. И вроде бы они это делали по доброй воле, но всё равно без души...

- они уже тем временем приближались к Храму, так время быстро летит, однако... - Мы почти пришли!

Анна-Лиза Саволайнен

- И что, в иглу было тепло жить? - продолжает выпрашивать Анна-Лиза. Никаких намеков в её речи нет, одно лишь безграничное любопытство. По Дэну Симмонсу, так в определённых условиях и вовсе жарко, и Саволайнен очень интересно, насколько приврал известный писатель и на какой знаменатель впредь его слова следует делить.

Дальнейшие слова Курука, возможно, отдают драмой несколько больше необходимого, но Анна-Лиза этого попросту не замечает. Она сейчас вся - одно большое сочувствующее ухо, чутко кивает в ответ на каждую реплику парня, и ей обнять его хочется, и самым большим теплом в его жизни, и чуть ли не впервые Анна-Лиза в несвойственной ей манере сомневается, что такое ей по силам.

Должно быть по силам, иначе зачем она вообще такая нужна.

- Почти пришли, верно, - эхом отзывается Саволайнен, понимая, что уже вот-вот перед ними вырастут ворота монастыря, что время собрало чемоданчики и куда-то убежало, а они с молодым человеком почти ничего и не успели. Анна-Лиза останавливается, обнимает Курука за шею и целует, легко, осторожно прикасаясь губами, опять боясь напугать излишним напором - ей кажется, то, что сейчас обе её руки обвивают молодого человека, значит так мало, что плакать хочется.

- Ты хотел меня куда-то пригласить, - напоминает Анна-Лиза, вновь переходя от поцелуев к словам. Проклятая травница, обо всём из-за неё забыли, всё перепутали, ни о чём твёрдо не договорились, но хорошо хоть, сейчас получается эту мысль поймать и не упустить окончательно. - Я согласна. Куда, когда?

Курук

- Достаточно. Гораздо теплее, чем в палатке. Вообще, это специальная конструкция, позволяющая сохранять тепло. И защищать жильцов от непогоды. Её придумали настоящие гении - я вообще ни разу не задумывался о том, что если б не иглу, как бы я вообще спал, в холоде собачьем? - Конечно, на улице было всегда холодно, хотя сухой воздух выступал в качестве смягчающего обстоятельства, какие-нибудь минус пятьдесят градусов по ощущениям были как минус тридцать - неплохо, не правда ли? И температурный вопрос как-то всегда был точно не на первом месте. А где-нибудь там замыкал десятку. В этом плане родители всегда заботились о его комфорте. Раз уж он ни разу даже не задумывался о том, что ему холодно, как-то некомфортно.

Внезапно их дистанция стала ещё короче. Поцелуй... Был приятным продолжением обстоятельств. Пусть он и длился всего ничего - он его запомнит. С Анной-Лизой вообще как-то всё лучше запоминалось. Все картинки такие яркие, он весь сегодняшний день в деталях помнил...

- Да, хотел. И приглашу, - он сказал это без единого намёка на то, что уже успел позабыть о своём обещании. Но вовремя спохватился, что к чему, и быстро нашёлся, что сказать. - Погуляем сегодня после ужина... Может быть, в пещеру пойдём? Или в дикий парк? - с местами, где можно уединиться, то есть, погулять, была небольшая напряженка. Либо стоило идти за пределы Храма, либо просто спросить, чего хочет сама Анна-Лиза. - Как тебя, кстати, можно сокращённо звать? Аня или Лиза?

Анна-Лиза Саволайнен

- После ужина. Там как раз свободное время, никто не будет нас никуда дергать. Великолепно, - согласно кивает Анна-Лиза, продолжая обеими руками обвивать шею Курука. И лукаво улыбается - её так и тянет спросить, неужели молодой человек так спешит форсировать их отношения, что уже хочет уединиться с блондинкой в пещере, чтобы вдали от чужих глаз и потемнее, но Саволайнен сдерживается. Курук остро реагирует на возможность пошлых намеков там, где у него есть шанс их углядеть, так что лучше ему лишних поводов не давать. Анна-Лиза продолжает соглашаться: - Дикий парк звучит очень хорошо. Мне там нравится. Тогда жду тебя после ужина.

Последний вопрос Курука неожиданно застаёт её врасплох. Анна-Лиза хлопает глазами, пытаюсь вспомнить, как её обычно называют короче и к каким уменьшительным она привычна, так ничего и не вспоминает, а потому с ласковой

улыбкой пожимает плечами: - А как тебе больше нравится? Раз уж у меня двойное имя, так бери любую половинку, какую хочется. Я не против.

Из этого похода молодым людям увы, ничего больше толком не выжать, поэтому Анна-Лиза начинает с нетерпением ждать вечерней прогулки. И, прощаясь с Куруком, лишний раз подчёркивает: они прощаются только до вечера, они сегодня же увидятся ещё раз, и предположительно - отлично увидятся.
